

О. А. Колоколова

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА «БЛУДНОГО СЫНА»
В СТИХОТВОРЕНИИ ЛЕА ХЕЛО «ТКАЧИХА»**

Проблема рецепции евангельских сюжетов широко разработана на материале классической русской литературы. В настоящее время возникла необходимость изучения этой темы в контексте произведений финно-угорских писателей. В статье рассматриваются особенности трансформации мотива «блудного сына» в творчестве Леа Хело, одного из первых финноязычных поэтов Карелии. Исследуются компоненты библейской притчи в нехристианском контексте, в связи с чем используется метод мотивного анализа на уровне архетипа. Учитывается влияние индивидуального авторского начала, а также элементов национальной культуры на трансформацию мотива. Представлена иная модель бытия, связанная с кризисным, переломным моментом в истории. Сделан вывод о новом семантическом наполнении вечного сюжета евангельской притчи.

Ключевые слова: финноязычная литература Карелии XX века, евангельская притча, библейский мотив, архетип.

Евангельский мотив «блудного сына» – один из наиболее распространенных в русской литературе. Особенно он был востребован в литературе XX столетия, переломного периода истории. Проблема рецепции новозаветной притчи достаточно полно освещена в критической и научной литературе на материале творчества русских писателей исследователями П. Дебрецени [6], Ю. В. Шатиным [22], И. И. Середенко [18], В. И. Габдуллиной [4] и др. Обобщающий труд представляет собой монография Э. А. Радь «История “блудного сына” в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох», где библейский сюжет исследуется в литературе XII–XX вв. [16]. В последние десятилетия возрастает интерес к разработке этой проблемы на материале других литератур, в том числе, финно-угорской. Этот корпус литературоведения представлен в основном обзорными трудами, однако проблему исследования отдельных традиций, в частности христианских, предстоит решить. Наблюдения о трансформации мотива «блудного сына» в произведениях финно-угорских писателей единичны [19. С. 37; 8; 11. С. 95]. Полагаем важным исследовать этот вопрос в контексте творчества финноязычных писателей Карелии.

Многие представители карельского и финского народов в годы революции и Гражданской войны вынуждены были покинуть малую родину, что повлияло на выбор сюжетов, проблематики и образов художественных произведений. Учитывая близость к Финляндии, советскую Карелию стремились сделать центром финно-угорских (прежде всего прибалтийско-финских) народов России. В 1920–1930-е гг. в республику переселялись добровольно и по принуждению тверские карелы, финны из Ингерманландии, Финляндии (повстанцы, иммигрировавшие в Россию после поражения революции 1918 г.), Швеции, а также США и Канады. Некоторые иммигранты легко адаптировались к условиям советской Карелии, но большинство из них ощущало свою вину перед родиной. Чувство невольного предательства, осложнение отношений со старшим поколением накладывали отпечаток на мировоззрение, самоидентификацию мигрантов. Формировался особый тип «человека без родины», «блудного сына своего отечества», «перекати-поле» [12; 17].

Именно эта тема стала одной из основных в раннем творчестве финноязычного поэта Леа Хело, выходца из ингерманландской деревни. Один из первых поэтов и прозаиков Карелии, переводчик произведений русской классики на финский язык, редактор литературных журналов, талантливый педагог, автор хрестоматий по литературе для школьников, он внес неизмеримый вклад в развитие литературы и культуры в республике. Поэт и критик А. И. Мишин, рассуждая о псевдониме писателя, отмечал, что «само слово “helo” весьма красноречиво. В переводе на русский язык оно означает “сияние”, “блеск”. В финноязычной поэзии Карелии имя Леа Хело сияло многие годы. Для новых поколений финноязычных поэтов он всегда оставался лучшим поэтом-лириком» [14. С. 192]. Произведения Леа Хело выделялись на фоне пролетарской поэзии тонким, порой на грани интуитивного, ощущением внутреннего мира человека, что отражается в стихотворении «Ткачиха» (1928), где раскрыты темы малой родины, отцов и детей, предназначения человека.

Необоснованно было бы утверждать, что автор сознательно ориентировался на евангельскую притчу о блудном сыне. Рассмотрим рецепцию этого мотива на архетипическом уровне. Такая методика анализа художественного текста обоснована А. В. Черновым, утверждавшим, что евангельские символы, знаковые в мировой культуре, «переходят на уровень архетипов, т. е. наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве» [21. С. 152].

Приведем текст стихотворения «Ткачиха» [23]. Художественные переводы его выполнены Г. Семеновым [5. С. 81–82] и А. Мишиным [14. С. 195], но мы воспользуемся нашим подстрочным (филологическим) переводом для удобства работы с оригинальным текстом.

Kutoja <i>Äidille</i>	Ткачиха <i>Матери</i>
Tiedän, on siellä nyt kevät, ja tulvivat purojen suut. On päättäneet talviset toimet, on tuvassa kangaspuut.	Я знаю, сейчас там весна, И разливаются ручьи. Закончились зимние заботы, В избе ткацкий станок.

Taas juoksevat keväiset vedet...
Säde päivän käy akkunaan,
siitä siirtyvi kangspuihin
ja katsovi kutojaan.
On kutoja tuttu se mulle,
ja katseensa armas tuo.
Usein mietteeni lentävät sinne,
sen kutojen vanhan luo.
Ja tiedän, ett' hänkin muistaa
pokaansa nuorimpaa,
joka harvoin luonansa liikkuu
ja kotoihin harvoin saa.
Tiedän: hän nytkin siellä,
kun hiettävi sukkulaa
ja niisiä vakaana polkee,
taas kujalle katsahta:
"Jos auhaton saapuvi sieltä
ja hellänä tervehtää:
Tulin luoksesi jälleen, äiti,
on rauaisa tupamme tää".
Mutta hiljaista rauhaa en kaipaa,
on rauhani rauhattomuus.
Minä tietäni kulkea tahdon,
on taistoa elämä uus.
En kaipaa, vaan äitiä muistan
ja koetan ymmärtää.
Monen äidin on niin kovin vaikee
nähdä poikansa määränpää.

En luoksesa jouda, mutt' tiedän:
siellä tulvivat jokien suut.
Siellä armas kutoja oottaa,
ja helskyvät kangaspuut.

Вновь бегут весенние воды...
Луч дневной светит в окно,
Оттуда переходит на ткацкий станок
И смотрит на ткачиху.
Мне знакомы ткачиха
И тот ее дорогой взгляд.
Часто мои мысли летят туда,
К этой старой ткачихе.
И я знаю, что она тоже помнит
о своем младшем сыне,
который редко к ней приходит
и дома редко бывает.
Я знаю, она и сейчас там,
Когда стучит челнок
И прочные нити натягивает.
Опять на дорогу глядит:
Не появится ли оттуда
и нежно поздоровется:
– Я пришел к тебе снова, мама,
Спокойно здесь, в нашей избе.
Но тихого спокойствия не желаю,
Мой покой – беспокойство.
Я желаю пройти свой путь,
Новая жизнь – это борьба.
Не тоскую, но мать помню
И стараюсь понять.
Для многих матерей так сложно
Видеть своих сыновей,
выполняющих свое предназначение.
Не могу быть у нее, но знаю:
Там разливаются устья рек,
Там милая пряжа ждет
И стучит ткацкий станок

Стихотворение частично отражает основные события и образы евангельской притчи о блудном сыне (см.: Евангелии от Луки; XV:15-32). В библейском повествовании младший сын, испросив причитающуюся ему часть наследства, покидает отчий дом и, живя распутно, расточает свое имение. В стране наступает голод, и он, не имея средств к существованию, вынужден скитаться до тех пор, пока не решает вернуться к отцу и испросить прощения. Родитель милосердно принимает юношу и, не держа обиды, одаривает его лучшей одеждой, перстнем и закалывает откормленного тельца, ибо сын «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. XV:24). Старший брат не одобряет такое радушие и всепрощение, поскольку за свою верность и служение он не был отблагодарен отцом. При интерпретации притчи зачастую подвергают порицанию расточительность и предательство младшего брата, жестокосердие и гордыню – старшего. Нам ближе рассуждения митрополита Антония Сурожского, призывающего увидеть и почувствовать трагичность и одновременно красоту всех трех образов:

преданность, верность и послушание старшего сына, «творческое расположение» младшего, способного на искреннее раскаяние, и умение отца простить «всем сердцем, со всей нежностью» [1]. Смысловое ядро притчи образуют мотивы отцов и детей, греха, блуждания, смирения, покаяния и милосердия.

В произведении Леа Хело лирический герой покидает отчий дом во исполнение высшей цели: желая пройти свой путь «новой жизни». Характерной чертой финнов-ингерманландцев в первые десятилетия XX в. считалась привязанность к дому и традиционному укладу быта: «...крестьянство не могло по своей воле и охоте вдруг тронуться с места и переменить весь образ жизни. <...> Странствовать по миру ингерманландцы еще не научились...» [10. С. 132]. Следовательно, поведение младшего сына в стихотворении нетипично и характеризует его как героя нового времени*.

Художественное пространство стихотворения разделено на свое / чужое**, в библейской притче это противопоставление дополняется коннотацией праведный / греховный. В стихотворении Леа Хело последняя антитеза не обозначена столь четко. Покидая родную землю, герой стихотворения «Ткачиха» устремлен к новой жизни, но будущее характеризуется лишь отсутствием покоя, необходимостью борьбы. Пространственные характеристики прошлого и настоящего более конкретны: обозначены локусы дороги, избы, рабочего места матери у ткацкого станка, что позволяет утверждать, что на фоне произведений пролетарских писателей стихотворение выделяется не только эмоционально-лирической тональностью, но и системой образов. В этом противоречии отражена особенность мировосприятия поэта: его раннее творчество наполнено верой в торжество социалистической идеи, но картина рождающегося нового мира не конкретизирована.

* Мотив расставания во исполнение своего долга звучит и в других произведениях Леа Хело; к примеру, в стихотворении «Armaalle» («Милой») (1937) лирический герой покидает возлюбленную:

Leikkiköön siis hymys,
Ikävä siis – pois!
Armas, armas meillä
Syukö suruun ois!
Tuomme tuloksista
Kukkii kaunis maa.

Пусть разлуки горечь не туманит глаз.
Друг мой, для печали нет причин у нас.
Нашими трудами край цветет родной.
Расцвела и дружба вместе со страной.

(пер. В. Потановой)

** В стихах сер. 1930-х гг. пространственные координаты, выраженные посредством дихотомии «своя, родная / чужая земля», «родной дом / неизведанный новый мир» изменятся. Произойдет объединение пространства во всеобъемлющем понятии «моей страны». Представлена иная модель, ориентированная на строительство нового будущего, другой социальной действительности:

Maa äärettömäin metsäin, peltojen
ja luonnonrikkautten satumaisten;
maa heilimöiväin heinäarojen
ja siintävien suurten vesien;
maa jumalattomain ja uskovaisten.
(«Minun maani», 1943)

Страна лесов бескрайних и полей,
И сказочных щедрот природы,
Страна шумящих травами степей,
Великих рек, бушующих морей,
Страна простора, родина свободы.

(пер. П. Семьиной)

Лирический герой Леа Хело, осваивая новый мир, бескорыстно следует идеалу, исполняет свой долг, так что категории христианской сотериологии получают иную трактовку. С точки зрения пролетарской морали, в поведении сына греха нет. Абсолютного забвения в данном случае нет, поскольку юношу не покидает память о родном доме. В основе коллизии – внутреннее противоречие между стремлением героя исполнить свое предназначение и воспоминанием его о покинутой матери.

Центральная фигура в притче отец, соблюдающий христианские заветы. Выбор женского образа в стихотворении Леа Хело обусловлен рядом причин, в том числе, некоторыми событиями из жизни поэта (после ранней смерти отца мать взяла на себя заботы о воспитании детей и ведении хозяйства большой крестьянской семьи). Творчество Леа Хело сравнивают с поэзией С. Есенина [15] как отзвук, в данном случае – в «Ткачихе» Леа Хело, знаменитого стихотворения «Письмо матери». В поэзии С. Есенина, Н. Клюева, С. Клычкова этот образ особо значим как мифологическая основа, восходящая к богине земли, дарующей плодородие, продолжение жизни. В произведениях новокрестьянских поэтов и в народных духовных стихах к Матери Земле Сырой «обращено религиозное сердце народа» [20. С. 72]. Этот образ в народном восприятии занимал исключительное место в связи со сближением его с Богородицей. Как утверждал Г. П. Федотов (историк, философ, религиозный мыслитель), к Матери-Земле обращались с надеждой, мольбами; искали утешения, приюта; каялись в содеянных грехах; видели в ней «хранительницу нравственного закона – прежде всего, закона родовой жизни» [20. С. 78]. Образ Матери Человеческой, как правило, сопоставлялся с Матерью-Землей и посланницей Богородицы на земле.

В стихотворении «Ткачиха» центральный образ также олицетворяется с Матерью Сырой Землей, поскольку он интегрируется в изображение крестьянской природной среды («разливы рек», «ручьи», «весна», «крестьянская изба»). Мать изображена в свете солнечных лучей. Образы весны и солнца характерны для русской и финской литературы Карелии 1930-х гг.*, символизируя молодость, начало новой жизни, строительство нового государства [13. С. 98]. Произведение Леа Хело наполнено любовью и нежностью к матери, в данном случае настоящее связано с образами родного дома, крестьянской жизни.

Настоящее и будущее матери – это ожидание сына, независимо от того, возвратится ли он домой. Образ ее кроток, смиренен, она не высказывает упреков, не сетует, и этим ее поведение совпадает с милосердием, проявленным отцом

* К примеру, стихотворение «Laulu kevälle» («Песнь весне») (1931) представляет собой пейзажную зарисовку: весна – пробуждение не только природы, но и жизни городской, индустриальной. Образ весны связан с новым этапом в развитии страны. Воспеваются поэзия туда, заводов и фабрик. В заключительной части стихотворения описывается наступление весны в деревне вместе с приходом новой жизни, колхозной техникой, молодыми рощами, огромными пространствами, коллективно возделываемыми. Человек сам «весну певучую творит». В стихотворении слышится вера в высокую цель, идею, предназначение каждого человека. Прошлое окрашено в темные краски, ход времени замедлен, тягуч. В описании нового времени слышатся четкие, быстрые ритмы, использованы яркие, теплые оттенки.

в притче. Связь между родителем и чадом поддерживается на уровне воспоминаний. Мать изображена в процессе работы за ткацким станком, занимающим центральное место в пространстве избы. В ее руках рождается нить, незримо связывающая мать с сыном. Прядение и ткачество – традиционные занятия крестьянки, имеющие особую трактовку на мифопоэтическом уровне: через рисунок сотканного изделия программируется судьба рода.

Образ пряжи связан с древними представлениями о жизни и смерти, о судьбе и устройстве мироздания, уходя корнями в культуру носителей индоевропейских и уральских языков. К примеру, в культуре уральского народа интересны представления об одной из дочерей Матери-Земли, богини Сарахкка, что в переводе означает «пряжущая женщина». Она наделялась множеством функций, считалась покровительницей судьбы, семьи, и родов [7. С. 235]. В эпосе «Калевала», воссозданном Э. Леннротом на основе карельских и ингерманландских рун, неоднократно встречается образ пряжи. Так, мать Лемминкяйнена у водопада Туони находит и собирает воедино все части тела своего умершего сына и возвращает его к жизни, обращаясь за помощью к богине Суоятар [9. С. 230]:

Ты, красотка, жил хозяйка,
Суонетар, ты жил богиня,
Ты прядешь прекрасно жилы,
Пряха с стройным веретенцем,
С медным остовом у прялки,
С колесом ее железным!
О, приди, прошу тебя я,
Принеси, я умоляю,
Связку жил своей рукою,
Связку кож в подоле платья,
Чтоб связать покрепче жилы,
Их концы скрепить покрепче
На открытых страшных ранах,
Что, отверстые, зияют!

Испросив божественной помощи, мать сама изменяет судьбу сына, моделирует его будущее. Сюжет интересен в свете рассуждений исследовательницы С. Биркхойзер-Оэри, аналитического психолога, которая в книге «Мать. Архетипический образ в волшебной сказке» отмечает, что в мифологии «судьбоносная черта материнского образа чаще всего предстает в образе пряжи», «символа неминуемой судьбы»: «Мать хочет оплести своего ребенка невидимой нитью и обеспечить ему плавный переход во взрослую жизнь. Власть, которой обладает мать над психикой своего ребенка, в значительной степени зависит от ее надежд и желаний...» [3. С. 85].

Процесс создания ткани, символизирующий на архетипическом уровне творение мира и индивидуальной судьбы человека, соотносится с моделированием матерью судьбы сына, ограждением его от дурного в процессе прядения. В подтексте стихотворения Леа Хело нить является тем оберегом, который сохранит его в новой городской, непростой жизни.

В стихотворении действует иная схема, нежели в библейском тексте: евангельский сюжет значительно трансформирован. В упомянутом стихотворении С. Есенина «Письмо матери», с одной стороны, речь идет о возможности возвращения сына и, соответственно, о его спасении; с другой стороны, о невозможности того и другого. В сюжетной линии стихотворения Леа Хело коллизия сходная, но, в отличие от лирического героя С. Есенина, юноша в стихотворении «Ткачиха» чист и поведением, и помыслами. У С. Есенина героиня выходит на дорогу в надежде на встречу, здесь же она работает за станком. И в ее неустанном труде, постоянном плетении нитей, передано упорство матери Леминкяйнена, соединявшей в одно целое части загубленного тела сына. В стихотворении «Ткачиха» мать будто притягивает сына, соединяет его с родной землей. И хотя воссоединение в тексте не заявлено, надежда на слияние остается (неслучайно мысли героя «летят», устремленные к дому). О возможности возвращения и, следовательно, спасения, говорят мечты матери: «Не появится ли оттуда и нежно поздоровается: “Я пришел к тебе снова, мама. Спокойно здесь, в нашей избе”». Вопрос о покаянии героя, безусловно, решается не так, как в библейской притче, но значимо само стремление героев понять друг друга («мать помню и стараюсь понять»). Герой надеется, что мать не только кротко примет его жребий, но и осознает необходимость ухода сына на данном этапе жизни. Глагол «понять» обретает в тексте чрезвычайно важное значение.

Таким образом, вечная тема отцов и детей, ориентированная на евангельский мотив «блудного сына», переосмыслена автором в соответствии с особенностями эпохи 1920-х гг. Социально-исторические реалии создают новое семантическое наполнение «вечного» сюжета притчи. Леа Хело поддерживает идею построения нового мира, но при этом сознает, что по своему укладу, традициям и народной религии страна остается крестьянской. Поэтому в его раннем творчестве отсутствует четкая картина будущего. Он воспевает природное, «материнское» начало мира. В стихотворении «Ткачиха» герой, несмотря на свой порыв, не может полностью оторваться от прошлого. Вот почему образ матери, воплощающий христианскую любовь и смирение, доминирует. Категории греха, прощения, возвращения и покаяния получают иное наполнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антоний Сурожский*. О блудном сыне // Проповеди и беседы. Париж, 1976 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (дата обращения 15.10.2016).
2. Библия. М.: Российское Библейское общество, 2007. 1337 с.
3. *Биркхойзер-Оэри С.* Мать. Архетипический образ в волшебной сказке. М.: Когито-Центр, 2006. 254 с.
4. *Габдуллина В. И.* «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. 303 с.
5. *Гуттари Т.* Моя страна: Стихи ранних лет. М.: Советский писатель, 1950. 108 с.
6. Дебрецени П. Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб.: Академич. проект, 1996. 398 с.
7. *Демин В. Н.* Загадки русского севера. М.: Вече, 1999. 478 с.

8. Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: человек и мир, эволюция, особенности художественного воплощения: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 2009 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (дата обращения 08.11.2016).

9. Калевала: карело-финский народный эпос / Пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск: Карелия, 1985. 383 с.

10. Карху Э. Г. Прощание с Ингерманландией // Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории: Исследования и воспоминания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 123–245.

11. Койвисто Р. Р. Этические критерии и художественная правда новеллистики Хильды Тихля и ее романов «Хилма» («Hilma», 1913) и «Люди» («Ihmisiä», 1916) // Эйно Карху – человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2013. С. 81–99.

12. Константинов В. В., Ковалева Н. А. Социально-психологический анализ феномена расставания мигрантов с родиной. Пенза: ПГПУ, 2010. 100 с.

13. Маркова Е. И. Совсем молодое солнце // Север. 1987. № 12. С. 97–104.

14. Мишин А. И. Поэт-лирик Леа Хело // Север. 2012. № 1–2. С. 192–194.

15. Очерк истории советской литературы Карелии / Ред. колл.: Э. Г. Карху, З. М. Кузьмина и др. Петрозаводск: Карельское книж. изд-во, 1969. 374 с.

16. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох. М.: ФЛИНТА, 2014. 275 с.

17. Сандомирская И. И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 286 с.

18. Середенко И. И. Архетип блудного сына в произведениях русских классиков // Культура и текст. 2005. № 9. С. 16–22.

19. Спиридонова И. А. Вепская литература // Алто Э. Л., Спиридонова И. А., Дюжнев Ю. И. Справочно-аналитические материалы по литературе Карелии (для «Энциклопедического словаря литератур народов России. XX век»). Петрозаводск: Карельск. науч. центр РАН, 1994. С. 30–39.

20. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. Т. 2. СПб.: София, 1992. 352 с.

21. Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 151–158.

22. Шатин Ю. В. Архетипические мотивы и их трансформации в новой русской литературе // «Вечные» сюжеты русской литературы («Блудный сын» и другие). Новосибирск: Сиб. отд. РАН, 1996. С. 29–41.

23. Helo L. Kutoja // Soihitu. 1928. № 5. s. 2.

REFERENCES

1. **Antonii Surozhskii.** O bludnom syne [About the prodigal son]. *Propovedi i besedy* [Sermons and discussions]. Paris, 1976. URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (accessed 15 October 2016).

2. *Bibliya* [The Bible]. Moscow: Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo Publ., 2007. 1337 p. In Russian.

3. **Birkkhoizer-Oeri S.** *Mat'. Arkhetipicheskii obraz v volshebnoi skazke* [Mother. Archetypal image in a fairy-tale]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2006. 254 p. In Russian.

4. **Gabdullina V. I.** «Bludnye deti, dvesti let ne byvshie doma»: *Evangel'skaya pritcha v avtorskom diskurse F.M. Dostoevskogo* [“Prodial children, two hundred years away from

home”: the Gospel parable about prodigal son in F. M. Dostoevsky discourse]. Barnaul: BGPU, Publ. 2008. 303 p. In Russian.

5. **Guttari T.** *Moya strana: Stikhi ranykh let* [My country: collected poems]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1950. 108 p. In Russian.

6. **Debretseni P.** *Bludnaya doch': Analiz khudozhestvennoi prozy Pushkina* [Prodigal daughter: analysis of Pushkin's fiction prose]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1996. 398 p. In Russian.

7. **Demin V. N.** *Zagadki russkogo severa* [Mysteries of Russian North]. Moscow: Veche Publ., 1999. 478 p. In Russian.

8. **Zaitseva T. I.** *Udmurtskaya proza vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka: chelovek i mir, evolyutsiya, osobennosti khudozhestvennogo voploshcheniya: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Udmurtskaya prose of the second half of the 20th – beginning of the 21st century: man and the world, evolution, characteristics of fictional embodiment. Author's abst. Dr. philol. sci. diss.]. Saransk, 2009. URL: <http://www.pravoslavie.ru/authors/387.htm> (accessed 8 November 2016). In Russian.

9. **Kalevala: karelo-finskii narodnyi epos** [Kalevala: Karelian-Finnish folklore epos]. Petrozavodsk: Kareliya Publ., 1985. 383 p. In Russian.

10. **Karkhu E. G.** Proshchanie s Ingermanlandiei [Farewell to Ingermanland]. **Karkhu E. G.** *Malye narody v potoke istorii: Issledovaniya i vospominaniya* [Small nations in the flow of history: Investigations and memories]. Petrozavodsk: PetrSU Publ., 1999, pp. 123–245. In Russian.

11. **Koivisto R. R.** Eticheskie kriterii i khudozhestvennaya pravda novellistiki Khil'dy Tikhlya i ee romanov «Khilma» («Hilma», 1913) i «Lyudi» («Ihmisiä», 1916) [Ethic criteria and fictional reality in Hilda Tihla's short stories and novels “Hilma” (1913) and “People” (1916)]. *Eino Karkhu – chelovek, filolog, myslitel'* [Eino Karhu – the man, the philologist, the thinker]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2013, pp. 81–99. In Russian.

12. **Konstantinov V. V., Kovaleva N. A.** *Sotsial'no-psikhologicheskii analiz fenomena rasstavaniya migrantov s rodinoy* [Social-physiological analysis of the phenomenon of migrants' leaving homeland]. Penza: PGPU Publ., 2010. 100 p. In Russian.

13. **Markova E. I.** Sovsem molodoe solntse [A very young sun]. *Sever* [North], 1987, no 12, pp. 97–104. In Russian.

14. **Mishin A. I.** Poet-lirik Lea Khelo [Lyric poet Lea Helo]. *Sever* [North], 2012, no 1–2, pp. 192–198. In Russian.

15. *Ocherk istorii sovetskoi literatury Karelii* [Essay on the history of Soviet literature of Karelia]. Ed. by: Karkhu E. G., Kuz'mina Z. M. and others. Petrozavodsk, Karel'skoe knizhnoe Publ., 1969. 374 p.

16. **Rad' E.A.** *Istoriya «bludnogo syna» v russkoi literature: modifikatsii arkhетipicheskogo syuzheta v dvizhenii epoch* [History of the “prodigal son” in Russian literature: modifications of the plot through centuries]. Moscow: FLINTA Publ., 2014. 275 p. In Russian.

17. **Sandomirskaya I. I.** *Kniga o rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik* [The book about homeland. Analysis of discourse practices]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 286 p. In Russian.

18. **Seredenko I. I.** Arkhetip bludnogo syna v proizvedeniyakh russkikh klassikov [Archetype of the prodigal son in Russian classical literature]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2005, no 9, pp. 16–22. In Russian.

19. **Spiridonova I. A.** Vepsskaya literature [Vepsian Literature]. **Alto E. L., Spiridonova I. A., Dyuzhev Yu. I.** *Spravochno-analiticheskie materialy po literature Karelii (dlya «Entsiklopedicheskogo slovarya literatur narodov Rossii. KhKh vek)* [Reference Book on Karelian literature for “Encyclopedia of National Literatures in Russia of the 20th century”. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 1994, pp. 30–39. In Russian.

20. **Fedotov G. P.** *Sud'ba i grekhi Rossii: izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury* [Destiny and sins of Russia: selected articles on philosophy of Russian history and culture]. Vol. 2. Saint-Petersburg: «Sofiya» Publ., 1992. 352 p. In Russian.

21. **Chernov A.V.** Arkhetip «bludnogo syna» v russkoi literature XIX veka [Archetype of the prodigal son in Russian 19th century literature]. *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vv* [The Gospel text in Russian literature of 18th–20th centuries]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1994, pp. 151–158. In Russian.

22. **Shatin Yu. V.** Arkhetipicheskie motivy i ikh transformatsii v novoi russkoi literature [Archetypal motives and transformation of them in modern Russian literature]. *«Vechnye» syuzhety russkoi literatury: («Bludnyi syn» i drugie)* [“Eternal” plots in Russian literature: “prodigal son” and others]. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN Publ., 1996, pp. 29–41. In Russian.

23. **Helo L.** Kutoja [The weaver]. *Soihtu* [The Torch], 1928, no 5, p. 2. In Finnish.

Поступила в редакцию 3.03.2017

O. A. Kolokolova

Transformation of “The Prodigal Son” Motif in Lea Helo’s Poem “The Weaver”

The problem of reception of evangelic plots in Russian classical literature is properly investigated. Today this theme needs to be studied on the basis of Finno-Ugric literature. The paper considers transformation of “the prodigal son” motif in the poetry of Lea Helo, one of the first Karelian poets. The gospel images and motives are described in non-Christian context; therefore archetypal method of analysis is applied. Influence of the writer’s individuality and elements of national culture on the theme transformation is considered. A new model of life associated with crucial point in history is reflected in the poem. The plot of the parable receives new interpretation.

Keywords: 20th century literature of Karelia written in Finnish, Evangelic parable, Gospel motif, archetype.

Колоколова Ольга Алексеевна,

младший научный сотрудник,

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

e-mail: kolokolowa.olg@yandex.ru

Kolokolova Olga Alekseyevna,

Junior Research Associate,

Institute of Language, Literature and History Karelian Research Center

11, ul. Pushkinskaya, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

e-mail: kolokolowa.olg@yandex.ru